

УДК 1 (075.8)

Загоруйко С.Т.

ОТ ЗАКОНА К БОГУ: ИСТОКИ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ П.И. НОВГОРОДЦЕВА

Предмет разговора, предлагаемый в данной статье интересен не столько тем, что личность П.И. Новгородцева неординарна, а его работы в области философии и права достойнейшим образом представляют золотой век русской философии второй половины XIX – начала XX века, но и потому, что его размышления о путях становления справедливого общества – это то зеркало, в котором найдем отражение собственных поисков и сомнений, разочарований и надежд.

Как и для Новгородцева, для нас важно найти твердую почву знаний и идейных убеждений с надеждой увидеть очертания будущего. И потому мы будем черпать и черпать из сокровищницы знаний богатой и уникальной русской философии. Свой анализ современного ему общества, а это был переломный, предреволюционный период, он начинает с проблемы права как инструмента, посредством которого регулируются социальные отношения. Размышления в русле Русского либерализма приводят его к необходимости определить исходный пункт, «первообраз» права, как представление о том, что праведно и справедливо. Анализ правовой действительности предреволюционной России и нигилизма, свойственного русскому правосознанию, приводит его к мысли о релятивизме правовых норм. П. Новгородцев не видит у своих предшественников ответа на вопрос о том, что может спасти людей и человечество в поисках земного рая. Ни Руссо и Кант, ни Гегель и Конт, ни Маркс, по его мнению, не оправдали надежд на то, «что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приводит людей к этому высшему и последнему пределу истории» [1, с. 23].

Его пессимизм в отношении к идеям, разрабатываемых современной ему философией, так понятной нам на пороге третьего тысячелетия, «...какая-то небывалая безграничность, переходящая порою в отсутствие перспектив, какая-то тревожная сложность, представляющаяся иногда безнадежной запутанностью – вот что прежде всего чувствуется здесь. Это именно плавание по безбрежному морю, в котором как будто негде пристать, негде бросить якоря» [1, с.22], побуждает его к собственным поискам, и созданию позитивного конструкта, которому *должно* соответствовать право. По мнению Новгородцева, онтологическим основанием современного права является возрождение естественного права с его априорной методой, с предельными стремлениями, «с признанием самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением» [2, с. 12]. Более того, естественное право он полагает духовной и нравственной основой гражданского права. Для Новгородцева оче-

видна связь «положительного» и «естественного» права, в которой они не только не равнозначны, но второе представляет идеал, к которому должны стремиться «положительные установления». Его естественно-правовая позиция опирается на кантовские представления о принципиальном несовпадении должного и сущего, идеала и действительности, естественного права и закона. Размышление в данном ключе приводят русского философа к выводам о невозможности совершенствования общества формальным, правовым. Его диагноз по данному вопросу категоричен – «кризис политических и правовых начал». Это обстоятельство вынуждает П.И. Новгородцева перейти от правового к нравственному дискурсу. Он ставит перед собой сверхзадачу – определить высшее нравственное «обязывающее» начало, включающее в своё содержание и момент идеального, всеобщего, и момент должностования, которое может стать основанием, «собирающим» общество. Но решить эту задачу он не смог. Обозначив принципы своего подхода к поставленной проблеме, он создаст методологическую «ловушку», из которой не нашел выхода.

Для философской позиции П. Новгородцева характерен воинствующий антипозитивизм, кстати, свойственный всей русской философии. Тем самым он не видит перспектив в сфере совершенствования закона. Его идеалистическая и номиналистическая позиция обусловит дальнейшую эволюцию его взглядов, которые примут откровенно религиозный характер.

Неокантианство и антиисторизм, противостояние основному руслу русской философии – метафизики всеединства определяют направление поиска вечного идеала в поле религии и персонализма. Выстраивая таким образом композицию своей философской системы, П. Новгородцев приходит к выводу о разрушительной силе «автономной» морали и демократической политики и о созидательной силе теонормной морали, агиократии как власти святых.

Отдавая предпочтение всеобщему перед единичным, в сфере морали, он непоследователен в своей позиции, а порой впадает в явное противоречие с самим собой. Например, упрекая В. Виндельбанда за национализацию идеала, он пишет «... не своя система культуры, а высшие сверхнародные и абсолютные начала служат руководящей нормой для каждого народа» [1, с. 118]. Им же настойчиво повторяется мысль (особенно в его работе «Восстановление святых»), о том, что «не этнические или хозяйственные единения» являются основой государственного единства, а «национальные святые» идеалы истины, добра и красоты, – вкладывая в них содержание соответствующее русской национальной культуре. Нужно признать, что П. Новгородцев не вышел за рамки традиции, присущей русской философии, с ее плохой философской проработкой понятия «общество». Русская социальная философия в большей степени была озабочена изучением России, а не общества как философской абстракции. Кроме того, он скептически относился ко всяким попыткам дать конкретное описание общей и «... безусловной формы общественного устройства и таких средств в политике, которые обеспечили людям неизменное совершенство жизни» [1, с. 33]. Например, концепцию К. Маркса он характеризует как утопию, в которой предлагается «безусловное совершенство жизни», как общую модель годной для всех стран, несущую в себе «угрозу для цивилизации».

П.И. Новгородцев не ограничивается критикой марксизма и анархизма, он пытается выстроить собственный позитивный социальный конструкт на основе персонализма. В его изложении личность имеет «верховодство» перед обществом и наделяется статусом единственной и подлинной реальности. «Свободная личность вот основание для построения идеала, но личность не отрешенная от связи с другими, а несущая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу [1, с. 47]. Категорический стиль этих размышлений позволяет читателю надеяться на то, что, автору известны конечные и вечные основания человеческих побуждений и поступков. Что же это за идеал?! Рефреном повторяется мысль, что в центре построений общественной философии должна быть поставлена не идея «земного рая», а вечный и абсолютный идеал добра «...который одинаково возвышается и над концом истории и над её началом и одинаково осуществляется на всем её протяжении» [1, с.66]. Религиозные убеждения Новгородцева выводят поиски ценностных оснований жизни за пределы их феноменологической очевидности.

Конечную цель нельзя найти в человеческих делах, – пишет он, «...не земной рай, как вечная награда за употреблённые ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели...» (подчеркнуто мной З.С.) [2, с. 66].

Но чем же лучше вариант П. Новгородцева от предложенной К. Марксом модели общественного развития? Критике марксовой концепции отводится значительное место в работе «Об общественном идеале». Им неоднократно подчеркивается негуманистический подход марксизма к истории, при котором предшествующие коммунизму исторические эпохи являются лишь строительным материалом для последнего. У русского философа мы не найдем ни рационализированной социальной модели будущего, ни утопических построений, он акцентирует внимание на ориентирах, имеющих персональный характер. Но при этом впадает в другую крайность – человеческая жизнь становится средством вечного движения к вечно ускользающей, и по сути, недостижимой идеи всеобщего блага.

Одна из глав его работы «Об общественном идеале» названа многообещающе: «Содержание общественного идеала». Пафос рассуждений автора позволяет надеяться, что сейчас наконец раскроется великая тайна и будет указана та сингулярная точка, раскрутив которую мы обретем твердую почву знания и постигнем смысл и назначение собственного бытия и истории. Но происходит следующая инверсия – из проблемного круга философского анализа он переходит в пространство религиозного аксиоматического содержания Добра, Истины и Красоты.

Пространство религии, с хорошо прописанными его установлениями, позволяет П.И. Новгородцеву разворачивать метафизические проблемы добра, блага, справедливости в систему практических постулатов. Но при этом неоднократно повторяется мысль о том, что «идея не воплощается в социальную материну»; истина, из которой логично вывести какие-то нормы для повседневности, заведомо является ложной» [1, с. 130]. Новгородцев не может выйти из противоречия, созданного его рассуждениями о вневременном содержании идеала и заключением о том, что идеал имеет «отношение» только к личности.

Неокантианство и персонализм создают ту ловушку, из которой он не может выбраться и решить задачу, которую поставил перед собой – сформулировать максимум, которая имела бы абсолютное, вневременное содержание, имела характер должностования и была понятна каждому. Его философско-этический концепт не развертывается в конструктивное содержание, которое могло бы стать правилом для каждого; анализ начинается и заканчивается в рамках перформативного употребления центральных понятий: идеал, благо, справедливость.

Но в том беда П.И. Новгородцева, а не вина, что он не смог решить проблемы, которая заключается в том, что когда метафизические универсалии покидают вневременное и внеисторическое пространство и обретают свое онтологическое основание в сознании людей, а затем актуализируются в их поступках, то могут наполняться в разных мировоззренческих координатах диаметрально противоположным содержанием. Благо как таковое есть нечто всеобщее, есть то, что применимо к каждому. Этот каждый погружен в определённый пространственно-временной континуум, а значит всеобщее приобретает качественную определенность момента. В состоянии нравственного выбора человек находится в постоянном искушении всеобщее наполнить своим собственным единичным существованием. Религия пресекает любое искушение, она предлагает жизненные ориентиры, которые имеют характер божественного предустановления.

П. Новгородцев так и не решил проблемы, как соотносить аксиоматические религиозные ценности и многозначную их актуализацию в сфере повседневного бытия, но он твердо был уверен в том, что самое странное – это «опустошение человеческой души»[3, с. 579]. Надрывно-эмоциональный характер его последней работы «Восстановление святынь», где словами Гоголя «Все глухо, могила повсюду», оценивает духовную и политическую ситуацию времени, свидетельствует о том, что он верит в будущее России, оно у неё должно быть и единственным её спасением является религиозный православный идеал: человеколюбие, бескорыстие и коллективизм.

Список литературы

1. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Из истории отечественной философской мысли. М. изд-во Пресса, 1991
2. Новгородцев П.И. Из лекций по общей истории права. Часть методологическая. М., 1904
3. Новгородцев П.И. Восстановление святынь //Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Из истории отечественной философской мысли. М. изд-во Пресса, 1991

Поступило в редакцию 12.09.02